

М. Б. Свердлов

Из истории людей и идей: Л. Н. Гумилев, М. А. Гуковский, П. Н. Савицкий

В истории исторической науки и историографии В. М. Панеяха более интересовала не история идей и научных учреждений, а история историков, людей. По примеру В. М. Панеяха следует рассмотреть один эпизод в истории исторической науки, в котором в 50-е годы прошлого столетия соединились судьбы и идеи таких различных людей, как историк и этнолог Л. Н. Гумилев, профессор исторического факультета Ленинградского университета, сотрудник Государственного Эрмитажа М. А. Гуковский и активный сторонник евразийской интерпретации российской истории, находившийся в эмиграции П. Н. Савицкий.

Хорошо многим известному Л. Н. Гумилеву посвящены книги, статьи, эссе и книга в серии «Жизнь замечательных людей»¹, М. А. Гуковскому, выдающемуся специалисту по эпохе Возрождения — немногие статьи², П. Н. Савицкому — статьи и, насколько мне известно, две книги³. Объединили этих трех

¹ *Дёмин В. Н.* Лев Гумилев. М., 2007 (ЖЗЛ).

² К столетию со дня рождения М. А. Гуковского // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2003. Вып. 60.

³ *Быстрыков В. Ю.* В поисках Евразии: Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы эмиграции 1920–1938.

деятелей отечественной науки и культуры в середине — второй половине 1950-х годов их судьбы, а также интерес Л. Н. Гумилева к евразийству как особому направлению в интерпретации российской истории.

Середина 50-х — начало 60-х годов стали в СССР временем хрущевской оттепели. Общество, измученное сталинским террором и «гениальными указаниями», поучениями и практикой партийного и государственного руководства, жаждало освободиться от идеологием сталинского режима. Оно стремилось к новым современным знаниям, к новой литературе и искусству, к объективным исследованиям исторического прошлого.

Как известно, вопреки трагическим обстоятельствам своей судьбы Л. Н. Гумилев постоянно стремился не только получить высшее профессиональное образование историка, но также стать историком-профессионалом.

Ко времени своего последнего заключения 1949–1956 гг., которое было таким же несправедливым, как и предшествующие аресты, Л. Н. Гумилев стал кандидатом исторических наук. Научные интересы его уже определились. Это были тюркология и кочевниковедение. 2 июня 1956 г. дело Л. Н. Гумилева было прекращено за отсутствием состава преступления⁴, а 17 октября 1956 г. приказом директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова он был зачислен временно исполняющим обязанности старшего научного сотрудника эрмитажной Научной библиотеки.

В заключении Л. Н. Гумилев претерпел многочисленные тяжелые условия работ, быта, а также болезни, но он получил возможность продолжать изучение интересовавших его проблем. Как он написал, возвращаясь после освобождения, уже в поезде: «Теперь буду оформлять книгу, написанную за эти годы. Это История Срединной Азии с XVIII в. до н. э. по X в. н. э. Работа готова на 80%, но еще много вставок и поправок. Всего 55 п[е-

---

Самара, 2007; *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма / сост., вступ. ст. К. Б. Ермишиной. М., 2018.

⁴ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I. Оп. 13. Д. 213. Л. 1, 2.

чатных] л[истов] из них 33 написаны в Сибири»⁵. Но это было не только конкретное историческое исследование. Л.Н. Гумилев признавался тогда же в одном из писем к своему другу В.Н. Абросову: «Со мной произошла странная вещь: не имея возможности много и регулярно заниматься, я научился думать, и это очень много мне дало, в смысле научных достижений»⁶. К этим «достижениям» он относил тогда, вероятно, идеи об изучении истории кочевых народов в связи с климатическими и географическими факторами.

В последующем развитии идей Л.Н. Гумилева прослеживается его знакомство с евразийской исторической концепцией. Недостаточно ясно, когда и как он ознакомился с этой теорией. Представляется, что в научной литературе внятного ответа на этот вопрос нет.

В одном из интервью Л.Н. Гумилев вспоминал, отвечая на вопрос И.А. Савкина, действительно ли он познакомился с П.Н. Савицким в мордовском исправительно-трудовом лагере, где П.Н. Савицкий находился после ареста советскими органами безопасности в Праге в 1945 г.: «В 1956 г., вернувшись в Ленинград, я некоторое время работал в Государственном Эрмитаже. Однажды я разговорился с часто заходящим в нашу библиотеку профессором Гуковским Матвеем Александровичем. Вот он-то сидел в Мордовии вместе с Савицким. Когда он сказал мне, что они расстались друзьями и что у него есть адрес Савицкого, я попросил написать ему в следующем письме, что хотел бы вступить с ним в переписку. Десять лет мы переписывались, а когда я приехал в Прагу на археологический конгресс в 1966 году, он встретил меня на вокзале»⁷.

Разумеется, М.А. Гуковский не «заходявил» в Научную библиотеку Эрмитажа, а приходил как сотрудник Эрмитажа и читатель, а ее книжные сокровища очень способствовали его научным

---

⁵ *Гумилев Л.Н.* Тридцать писем Васе / публикация Г.М. Прохорова // Мфра. 1994. № 4. С. 143.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ *Гумилев Л.* «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» // Социум. 1992. № 9. С. 83.

разысканиям. Арестованный 28 июня 1949 г. по сфабрикованному Министерством госбезопасности «Ленинградскому делу», он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. М. А. Гуковский находился в Дубравлаге в Мордовии и 12 января 1955 г. был освобожден со снятием судимости. В 1956 г. он был реабилитирован. После возвращения в Ленинград он уже 8 февраля 1956 г. приказом директора Эрмитажа М. И. Артамонова был зачислен на постоянную работу в должности старшего научного сотрудника и заместителя заведующего Отделом западноевропейского искусства. Так что М. А. Гуковский вернулся к напряженному интеллектуальному труду. Прекрасная эрмитажная библиотека очень способствовала таким занятиям. 1 декабря 1959 г. он был назначен М. И. Артамоновым ее директором⁸.

М. А. Гуковский находился в одном лагере с П. Н. Савицким в течение десяти месяцев в 1954 г. В годы Гражданской войны П. Н. Савицкий являлся помощником и личным секретарем П. Б. Струве, который занимал активную позицию в борьбе с советской властью. В последующие годы, вплоть до начала Второй мировой войны, он включился в организационную и научную деятельность евразийцев, оказавшихся в эмиграции. После победы над фашистской Германией он был арестован органами Смерш в Праге, где тогда жил с семьей и работал. П. Н. Савицкий был этапирован в Москву, на Лубянку, и осужден за антисоветскую деятельность на десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях⁹. Впрочем, вероятно, следственные органы убедились в его неизменно патриотической позиции по отношению к России, что соответствовало действительности, и ему были созданы благоприятные условия нахождения в лагере, хотя все предшествовавшие события ареста и суда, разумеется, были несправедливыми.

В письме от 2 мая 1957 г. П. Н. Савицкий писал об этих событиях другому видному евразийцу П. П. Сувчинскому: «За один-

---

⁸ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I. Оп. 13 л/с. Д. 212. Л. 6, 10 и след.

⁹ *Ермишина К. В.* Петр Николаевич Савицкий: жизненный и творческий путь // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства... С. 15–59.

надцать лет пребывания в Отечестве (так он назвал годы следствия, суда и пребывания в лагере. — М. С.) я ни на один день не прекращал научной работы. Эту возможность обеспечил мне тот факт, что я все эти годы (за исключением времени болезней) исполнял обязанности культорга и библиотекаря. Видел и пережил многое, очень многое. И многих *сверхзамечательных* русских людей узнал лично¹⁰. Разумеется, были во время заключения и тяжелые времена¹¹, но режим содержания в лагере был явно смягчен. В одном из писем к М. А. Гуковскому он признался, что сошелся с мордовской женщиной. Уже шутя, П. Н. Савицкий прокомментировал, что в этом он видит истинность евразийской концепции, утверждавшей историческое единство народов Евразии.

Не подружиться эти два петербуржца и интеллектуала не могли (в письме от 7 июля 1956 г. из Праги П. Н. Савицкий назвал М. А. Гуковского «близким другом») (мы признательны незабвенной памяти А. С. Кантор-Гуковской за возможность ознакомиться с письмами П. Н. Савицкого из личного архива М. А. Гуковского и за разрешение использовать их в данной работе. — М. С.)¹². П. Н. Савицкий еще находился в заключении, когда М. А. Гуковский был освобожден. До 1959 г. они продолжали переписываться. П. Н. Савицкий осознавал себя евразийцем по убеждениям и, без сомнения, еще в лагере рассказывал об этом историософском направлении Матвеем Александровичу. После освобождения 10 января 1956 г. П. Н. Савицкий пересек границу СССР с Чехословакией, вернулся в Прагу и воссоединился с семьей.

После возвращения в Прагу П. Н. Савицкий стал работать переводчиком с чешского языка на русский. Продолжал заниматься исследовательской работой, прежде всего экономической географией. В этой отрасли он стал распространителем знаний

---

¹⁰ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства... С. 522–523; курсив П. Н. Савицкого.

¹¹ *Ермишина К.В.* Петр Николаевич Савицкий... С. 58–59.

¹² В ранее указанной публикации (*Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства...) письма П. Н. Савицкого к М. А. Гуковскому не учтены.

о Советском Союзе в Чехословакии, не утратив активного интереса к родной стране. В частности, он опубликовал в СССР уже в 1956 г. статью «Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза»¹³. В том же году он приступил к монографии «Сельскохозяйственная география Советского Союза». Для новой Чешской энциклопедии написал около пятисот больших и малых статей о республиках, городах, реках и горах Советского Союза. Делал он доклады в Чехословакии об экономической географии СССР, причем, как он писал в письме М. А. Гуковскому от 16 января 1959 г., «с успехом». Даже после ареста и лагерного заключения П. Н. Савицкий оставался патриотом России. Его не удовлетворяла жизнь даже среди западных славян. Поэтому он в письмах к М. А. Гуковскому не использовал латиницу даже при передаче одного из латинских изречений, а в письме от 21 апреля 1959 г. осудил использование только французского языка в изданном Эрмитажем альбоме «Древнее искусство Алтая» и добавил: «Каждый стоящий читатель во всем мире должен в наше время читать по-русски. Нам надлежит твердо стоять на этой установке. И никаких уступок романогерманщине!» Впрочем, это не умаляло его интереса к западноевропейскому искусству, к замкам и художественным коллекциям Чехословакии. Он издал в 1959 г. новаторскую книгу о чехословацких зодческих ландшафтах. Эти работы являлись следствием необходимости заработка и его широких научных интересов, в частности, «западоведения», как он называл.

Но П. Н. Савицкий оставался верен евразийским принципам, а потому писал в письме к М. А. Гуковскому от 27 апреля 1959 г. в связи с западными, включая чехословацкие, ландшафтами, смешивая культурологический, геополитический и аналитический исторический уровни познания: «Наша же Русь, по глубокому моему убеждению, отнюдь не Европа, а совершенно особый мир; потому она может в равной степени воздействовать и на Восток, и на Запад».

---

¹³ *Савицкий П. Н.* Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза // За социалистическую сельскохозяйственную науку. 1956. Сер. Б. № 3.

Если в лагере П. Н. Савицкий мог лишь изложить М. А. Гуковскому основное содержание евразийской теории, то теперь, вернувшись в Прагу, он прислал ленинградскому другу сохранившиеся в его библиотеке свои евразийские разыскания 20-х годов — брошюру «Россия — особый географический мир», а также оттиски статей «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории», «Ритмы монгольского века» и «В. В. Бартольд как историк» (опубликована в 1931 г.). В письме от 7 июля 1956 г. П. Н. Савицкий интересовался мнением Гуковского об этих статьях, особенно, как он написал, об «историософской» части брошюры «Россия — особый географический мир». Но это был не просто интерес к мнению такого читателя, как Матвей Александрович. Это была попытка его убедить в своей правоте и найти в нем сторонника своей теории.

П. Н. Савицкий писал в данной связи: «Само собой разумеется: при изучении “подъемов” и “прогибов”, скажем итальянской истории (в пределах “докапиталистических” формаций) нужно применять несколько иные категории, чем применяются мною в отношении к древней Руси.

Но “волнообразное” движение остается в силе и здесь.

И с помощью несколько видоизмененных “подъемных” и “прогибных” признаков можно отлично “раздраконить” также и итальянскую историю; и историю каждой другой страны [к этому абзацу Савицкий сделал следующее примечание: «Я думаю, что в течение всего средневековья, в отличие от эпохи Римской империи и от самого нового времени, в Италии не стало (?) единой “конъюнктуры”. “Волнообразное” движение истории пришлось прослеживать по отдельным городским (княжеским, королевским) территориям и по группам их»].

Здесь открывается, действительно, широкое поле для исследования» (деление письма на абзацы и его синтаксис сохранены. — М. С.).

М. А. Гуковский воспитывался как историк-исследователь в традициях отечественной литературы того направления в дореволюционный и советский периоды, которое анализировало исторический процесс в его внутреннем содержании. Поэтому

он не мог поддерживать евразийские поиски закономерностей в их внешних проявлениях ритмических колебаний «подъемов» и «прогибов», а также исключение России из общеевропейского и мирового исторического процесса.

П. Н. Савицкий не «обратил» крупного специалиста по эпохе Возрождения М. А. Гуковского в свою «евразийскую веру». Судя по состоянию оттисков статей «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории» и «Ритмы монгольского века», находящихся в библиотеке М. А. Гуковского, они так и остались непрочитанными. Поэтому особой энергией П. Н. Савицкий стал делиться своими идеями с Л. Н. Гумилевым, который уже давно занимался историей тюркских народов, но общая историческая теория у него находилась в процессе формирования.

Переписка Л. Н. Гумилева с П. Н. Савицким началась в 1956 г.¹⁴ Недоступность в настоящее время личного архива Л. Н. Гумилева не позволяет установить точно, когда он познакомился с евразийскими идеями. Возможно, их началу способствовал М. А. Гуковский, рассказав Л. Н. Гумилеву о своем солагерном товарище и сообщив его пражский адрес. Во всяком случае, в письме к М. А. Гуковскому от 21 апреля 1959 г. П. Н. Савицкий восторженно писал о Л. Н. Гумилеве как об их общем знакомом: «Лев Николаевич — великая сила и великая надежда кочевниковедения». Ранее в письме к П. П. Сувчинскому от 9 мая 1958 г. П. Н. Савицкий назвал Л. Н. Гумилева «замечательно одаренным человеком»¹⁵.

Впрочем, понимание П. Н. Савицким и Л. Н. Гумилевым общеисторических закономерностей мира кочевников существенно различалось. П. Н. Савицкий, специалист по изучению современной экономики и ее истории, призывал Л. Н. Гумилева в 1958 г. (опубликованная копия этого письма точно не датирована) к поиску материальных начал тех процессов, которые происходили в истории кочевников. В этой связи он писал своему ленинградскому корреспонденту, обозначая также контуры системного анализа: «<...>не могу разделить Вашего пессимизма

¹⁴ Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2000. С. 101.

¹⁵ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства... С. 536.

по части возможности вскрыть и определить пульс и ритмику жизни кочевого мира и отдельных его частей. <...> все дело, кажется мне, заключается в том, чтобы *систематизировать* данные источников (по истории кочевого мира. — М. С.) или *обобщить* их. Как только это будет сделано, пульс истории кочевников будет явственно для нас ощутим. <...> я уверен, что в ряде моментов своей истории кочевой мир был достаточно мощной политико-экономической системой для того, чтобы обладать *самостоятельной и самозаконной* “жизненной кривой” развития»¹⁶.

Далее П. Н. Савицкий цитирует письмо, в котором Л. Н. Гумилев возразил его концепции: «собственный пульс развития кочевой культуры зависел от случайностей военного успеха, и проследить его почти невозможно». На это П. Н. Савицкий возразил, настаивая на материальном и системном содержании исторического процесса: «Я не всецело отрицаю значение случайности и в истории, но, в общем, значение это считаю ничтожным. — В линии же военной истории вижу (во всяком случае, в отношении к военному прошлому) важнейшую синтетическую “линию — показатель” исторической кривой вообще»¹⁷.

Эта дискуссия имеет большое значение для изучения научных взглядов Л. Н. Гумилева в середине 1950-х годов, до его публикаций 1960-х годов, и раскрывает смысл их обсуждения с П. Н. Савицким. Свои наблюдения об определяющем значении географического фактора в исторических процессах он обобщил в письме от 26 августа 1955 г. к своему другу В. Н. Аброзову: «Движения кочевников делятся на 2 сорта: организованные вторжения, напр. Атиллы, Чингис-хан и т. п. и стихийные передвижения. *Первые ничего общего с климатическими изменениями не имеют, вернее связь столь отдаленная, что не может служить никаким показателем.* Вторые, наоборот, очень чуткий барометр, но нужно очень подробно знать историю, чтобы их правильно находить. Теперь я историю с нужной точностью знаю и нашел следующее: пункты кульминации аридного климата имеют период около 800 лет. Вот даты:

¹⁶ Там же. С. 538–539; курсив П. Н. Савицкого.

¹⁷ Там же. С. 539.

V в. до н. э.	} кульминация аридного климата	I в. до н. э.	} кульминация увлажнения» ¹⁸ .
III в. н. э.			
XII в. н. э.			
XIX в. н. э.			
		VII в. н. э.	
		XV в. н. э.	
		XXIII в. н. э.	

Совершенно очевидно, что Л. Н. Гумилева увлекла идея открытия исторической закономерности, альтернативной марксистской теории, которая в условиях сталинского режима трансформировалась в его идеологическое обоснование — сталинизм. Вместо анализа внутренних закономерностей, который увлекал российских историков, общественно-политических деятелей и мыслителей, он обратился к поиску внешних факторов, воздействовавших на историческое развитие. Но это был еще не психологизм «пассионарности», а материалистический климатический фактор.

Такая мысль об особом значении для исторического процесса климата, периодичности максимальной сухости и влажности климата создавала впечатление об открытии объективной закономерности, определявшей историю и быт кочевых народов, жизнь которых была органично связана с состоянием кормов для их бесчисленного скота. Она не могла не вдохновить, учитывая теоретическое состояние работ советских историков, которые еще недавно вынуждены были повторять схемы Краткого курса «Истории ВКП(б)».

Действительно, уже в следующем письме, от 24 сентября 1955 г., В. Н. Абросову Л. Н. Гумилев развил эту мысль, соединяя историю климата с материальными процессами воздействия космических лучей и распада элементов литосферы земной коры. В данной связи он заметил корреспонденту: «Как видишь и тут мы подходим к необходимости строить мосты между науками»¹⁹.

Продолжением этих размышлений стал естественно возникший вопрос о философском содержании исторической эволюции. Продолжая диалог со своим другом, он писал: «Вопрос об эволюции для меня все менее ясен, чем больше я об нем

¹⁸ Гумилев Л. Н. Тридцать писем Васе. С. 130; курсив наш.

¹⁹ Там же. С. 131.

думаю. Не решен принципиальный вопрос: с какой формой движения мы в данном случае сталкиваемся, с поступательной или колебательной. В первом случае должно быть начало и конец, да еще цель, что выглядит не научно, а во втором амплитуда. Что верно? Не знаю»²⁰. В такой постановке проблемы прослеживается возможное понимание эволюции в ее телеологической интерпретации. Такая интерпретация его не удовлетворила, хотя доказательств в ее опровержение он не привел. Возможно, ее отрицание стало лишь следствием протеста против телеологии марксизма, тем более трансформированного в сталинизм.

Альтернативой «поступательной форме движения» (характерны в этой формулировке лексика и содержание еще сталинской поры) для Гумилева стала не эволюционная теория имманентного саморазвития материи и общества, а колебательная форма движения. Впрочем, она его также не удовлетворила. Таким образом, вопрос о содержании исторической эволюции для него в середине 50-х гг. оставался открытым.

В данной связи разъясняется смысл идеи Л.Н. Гумилева в дискуссии с П.Н. Савицким о значении *случайности* в истории. Это было отражение его поисков объяснения субъективного, психологического фактора в историческом процессе. Они найдут свое завершение в публикациях Л.Н. Гумилева со второй половины 1960-х гг., посвященных особому значению в истории пассионарности и пассионариев.

П.Н. Савицкий умер в 1968 г. М.А. Гуковский продолжал поддерживать Л.Н. Гумилева в его научных разысканиях. Так же поступали ведущие ленинградские специалисты того времени по изучению древнерусской истории, археологии и литературы — В.В. Мавродин, М.И. Артамонов и Д.С. Лихачев. Причин для этого было достаточно — сочувствие к несправедливо репрессированному человеку, к исследователю, который стремится углубить аналитические возможности исторической науки, к сыну А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева, двух выдающихся петербургских поэтов с трагическими судьбами.

---

²⁰ Там же. С. 134.

Между тем Л. Н. Гумилев приступил к осуществлению своего плана издания книг, написанных в лагерном заключении, и к подготовке защиты докторской диссертации. В 1960 г. в Москве Издательством восточной литературы была опубликована его монография «Хунну»²¹, по своей хронологии первая из задуманной им трилогии об истории древних и средневековых тюркских народов.

Издательство восточной литературы имело большое значение на весьма ограниченном издательском пространстве того времени. Оно публиковало ту переводную художественную, прежде всего восточную, а также научно-популярную литературу, которая не соответствовала профилю центральных специализированных издательств, включая академическое издательство «Наука», которое публиковало на высоком профессиональном уровне периодические издания Академии наук СССР, исторические источники, монографии и сборники, утвержденные к печати учеными советами академических учреждений. Руководство Издательства восточной литературы занимало либеральные позиции и выпускало в свет такие работы, которые другие издательства тогда не принимали. Видимо, по жанру книга Л. Н. Гумилева «Хунну» Издательство восточной литературы удовлетворила. Но когда монография была опубликована, она привлекла особое внимание востоковедов.

Книга была посвящена первому по времени могущественному государственному образованию кочевников-гуннов, племенную основу которых составляли тюрки. Его территория находилась преимущественно в Центральной Азии, но владения стали распространяться в III в. до н. э. — II в. н. э. в Сибири и Средней Азии. После тяжелых войн с Китаем, внутренних расколов это государственное образование распалась. Одни из гуннских племен кочевали между Алтаем и Аралом, другие откочевали на Запад и дошли до пределов Римской империи. В середине V в. н. э. вождь гуннов Атила создал в Центральной Европе могущественное государство.

---

²¹ Гумилев Л. Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

Книга Л. Н. Гумилева стала первым в отечественной историографии монографическим исследованием на эту тему. Она должна была заполнить существенный пробел в изучении истории тюркских народов Центральной Азии и Сибири.

Основным содержанием книги стало изложение этнополитической истории этого обширного региона. Она была написана прекрасным литературным языком. Текст был наполнен живыми характеристиками исторических персонажей, описаниями битв и походов с постоянным использованием определений-прилагательных. Еще более оживляли такое изложение общественно-политической истории краткие описания природы Китая, восточных степей и горного ландшафта Южной Сибири. Читателям предлагалась целостная и интересно написанная концепция истории народа хунну от их возникновения как этноса к формированию «державы Хунну», к ее падению.

Вопреки идеологемам сталинской поры Л. Н. Гумилев стремился вывести изучение древнейшей истории и формирования государства из анализа только процессов классовобразования, появления государства только как орудия угнетения одного класса другим, развитого рабовладения как обязательной стадии исторического развития, что представляло научный интерес. На фоне аналитических научных исследований книга Л. Н. Гумилева читалась с интересом, хотя было видно, что указания в ней на природу не стали конкретным анализом географического фактора, характеристики общественных отношений и «державы Хунну» сопровождалась их беглым и мало проработанным анализом, что привело Л. Н. Гумилева к дефиниции их сущности как родоплеменной. Определения-прилагательные и повествовательность подменяли источниковедческий анализ, тщательное изучение процессов, событий и персонажей, тогда как само повествование стало преимущественно изложением переводов, в основном Н. Я. Бичурина (1777–1853), с незначительным привлечением иностранной литературы, с общими («глухими») и неточными указаниями работ на английском языке.

Между тем обширная и сложная тема монографии предполагала изучение сложнейших проблем этногенеза, этнического

состава гуннских государственных образований, их военно-политической и социальной истории, вопросов хронологии, исторической географии и т. д. Востоковеды-профессионалы вправе были ожидать их авторского комплексного исследования. Но то, что они прочли в этой книге Л. Н. Гумилева, их не удовлетворило.

Биограф Л. Н. Гумилева и географ С. Б. Лавров назвал обсуждение книги «Хунну» расправой с «новичком». Он объяснил это обсуждение «нравами наших “научных сообществ”», «не востоковедов страны и даже города, а “узких” сообществ, “малых секторов” в академических институтах — китаистов, тибетологов и т. д.». Их отношение к Л. Н. Гумилеву С. Б. Лавров обобщил в предполагаемом им мнении: «Да как он посмел, да мы ему покажем его законное место!» Поэтому рецензию востоковеда К. В. Васильева в академическом журнале «Вестник древней истории» № 2 за 1961 г. он назвал «разгромной»²².

Эта рецензия на книгу «Хунну» и ее последующее обсуждение имеют значение не только для анализа научных взглядов Л. Н. Гумилева середины 50-х — начала 60-х годов. Они относятся к определению основ исторического научного анализа. Поэтому их следует изложить подробно.

Основное содержание рецензии К. В. Васильева заключалось в том, что Л. Н. Гумилев, в отличие от своих научных предшественников, использовал не оригинальный текст древнекитайских хроник — основных письменных исторических источников для изучения народа хунну-сюнну, «а лишь отдельные переводы из них, принадлежащие Н. Я. Бичурину, Э. Шаванну, Л. Д. Позднеевой и т. д.»²³. Поэтому в рецензируемой книге нет источниковедческого анализа приводимых текстов, а некоторые из приведенных представляют собой лишь одну из версий. При этом в ряде случаев не обосновано избрание одной версии, а не другой, ее жанровая структура исторического или легендарного свойства, хронология событий в китайских хрониках. Не учтены новейшие исследования в исторической этнографии

---

²² Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2000. С. 180–181.

²³ Здесь и далее см.: Васильев К. [Рецензия] // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120–124.

и географии, по археологии, тогда как использованы устаревшие работы. Отмечена категоричность суждений, превращающая их дискуссионность в аксиоматичность. В зависимости от использованной литературы применены две разные системы транскрипций китайских иероглифов: устаревшая Н. Я. Бичурина и современная. Поэтому К. В. Васильев пришел к выводу: «Недостатки рецензируемой книги не исчерпываются перечисленными выше. Здесь разобраны лишь наиболее характерные случаи, корни которых кроются в трех основных причинах: в незнакомстве с оригиналами используемых источников, в незнакомстве с современной научной литературой на китайском и японском языках, в некритическом восприятии ряда устаревших концепций, представляющих вчерашний день востоковедной науки».

К сожалению, С. Б. Лавров, специалист в экономической и социальной географии, рассматривал этот эпизод в биографии Л. Н. Гумилева не как профессионал, а как почитатель творчества своего героя. Он знал, что «Вестник древней истории» — издание не «малых секторов» академических институтов, а общесоюзное, имеющее международное значение. Он знал, что рецензии, особенно отрицательные, обязательно обсуждаются на редакционной коллегии журнала и сами рецензируются. Таким образом, рецензия на книгу Л. Н. Гумилева выражала также согласие с ней тех коллег, кто ее рецензировал. Редколлегия журнала в случае несогласия с публикуемым материалом оговаривала свое отношение к нему. Но такой оговорки не было.

Книга Л. Н. Гумилева и рецензия на нее К. В. Васильева вызвали к себе пристальное внимание ленинградских профессионалов. 26 сентября 1961 г. обсуждение книги было проведено в Государственном Эрмитаже. 18 декабря оно было продолжено в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР. Эти обсуждения проходили в особой обстановке среды ленинградского научного сообщества. В его памяти еще были свежи послевоенные погромы ленинградской интеллигенции при сталинском режиме. Еще недавно во многие дома и семьи вернулись из тюрем и лагерей несправедливо осужденные люди.

Памятны были публичные разносы и «покаяния» выдающихся отечественных ученых. При таких общественных настроениях в ленинградской среде того времени не могло быть и речи о «разносе» книги «Хунну», автор которой столь пострадал от сталинского режима. К тому же люди интеллигентные всегда помнили, что он — сын поэтессы, ленинградской гордости, гонимой при режиме, а также расстрелянного Н. С. Гумилева.

С другой стороны, после долгого периода идеологизированных догм научная общественность стремилась к новым идеям. В естественных и гуманитарных науках активно пересматривались устаревшие и реакционные теории сталинской поры, создавались концепции, соответствующие новому уровню знаний. Научное сообщество было открыто для новых идей. Состояние коллективов научных и учебных учреждений было таким, что новые теории не отвергались, а приветствовались. Новое поколение интеллигенции, которое сложилось в середине 50-х — начале 60-х годов и позднее неточно названное «шестидесятниками», в значительной мере определяло духовную жизнь страны.

Ленинградский университет во главе с ректором А. Д. Александровым тогда представлял собой огромный коллектив, в котором демократические начала органично уравнивали привычные административные принципы, тогда как сама администрация осуществляла руководство весьма либерально. Университет поставлял тогда основные кадры в гуманитарные научные учреждения, включая музеи, а высочайшего уровня профессионалы академических исследовательских институтов в нем преподавали. Таким образом и в этой обширной инфраструктуре ленинградского сообщества гуманитарных учреждений не могли возникнуть попытки «разгрома» книги «Хунну» и ее автора.

Вместе с тем в ленинградских гуманитарных исследовательских учреждениях и в университете, т. е. в тех научных центрах, где был трудоустроен и обсуждал свои работы Л. Н. Гумилев, сохранилась научная и преподавательская преемственность профессионализма и требовательности, восходившая к дорево-

люционному периоду отечественной науки. Автор этих строк имел честь быть студентом университета в 1958–1963 гг. и многократно в этом убеждался.

На восточном факультете продолжались традиции изучения древних и современных восточных языков. Автор помнит, как на филологическом факультете заведующий кафедрой классической филологии А. И. Доватур, который не склонен был к администрированию, многие годы провел в сталинских лагерях, все же настоял на отчислении студентки, гречанки по происхождению, поскольку она никак не могла выучить правил древнегреческого языка, хотя бегло говорила на современном греческом. Это свидетельствует о преемственности требований к профессионализму во всем, от процесса обучения до научного творчества.

На истфаке университета того времени профессора и преподаватели выбросили Краткий курс «Истории ВКП(б)». Почти все прежние учебники были обоснованно признаны устаревшими, так что студенты готовились к экзаменам преимущественно по лекциям. На семинарских занятиях максимально поощрялась работа по историческим источникам, при этом свобода идейного самовыражения на всех кафедрах никак не ограничивалась, разумеется, в заданной парадигме существования советского строя. Немногие преподаватели, в основном партийные активисты сталинского времени, еще думали в пределах прежнего времени, но на кафедрах особое внимание уделялось источниковедению и историографии как базовым началам профессиональной подготовки, хотя, разумеется, были и варианты.

Максимально благоприятные условия для изложения самых разных точек зрения студентам на спецкурсах, а также на заседаниях кафедр создал вновь ставший деканом факультета в 1960 г. В. В. Мавродин, которого в 1952 г. из университета необоснованно уволили.

С остатками ложной многозначительности, пустозвонства, чванливости, идеологом сталинского времени истфаковцы всех поколений боролись смехом на блестящих капустниках 1959 и 1964 гг. Автор их текстов Д. Н. Альшиц, фронтовик,

неправедно осужденный в 1949 г., талантливый историк и литератор, с активной помощью тогда доцента Ю. Д. Марголиса содействовал созданию в среде истфаковцев новой системы отношений — сотрудничества вместо чиновничества.

Таким образом, можно с уверенностью полагать, что в среде ленинградских историков конца 50-х — начала 60-х годов не было условий для «разгрома» Л. Н. Гумилева и его книги. Но что же происходило во время обсуждений его работы 26 сентября и 18 декабря 1961 г.? Установить это важно, поскольку эти обсуждения были знаковыми для истории нашей исторической науки. Они имели принципиальное значение для понимания творчества Л. Н. Гумилева и отношения к нему историков-профессионалов.

Обсуждение 26 сентября проходило в Библиотеке Государственного Эрмитажа, директором которого являлся тогда М. И. Артамонов. Он не только неизменно поддерживал Гумилева во всех его бедах, принял на работу после последнего заключения, но и стал ответственным редактором книги «Хунну». М. И. Артамонов являлся одновременно заведующим кафедрой археологии в университете. Волевой и в высшей степени порядочный человек, он был открыт для новых идей, поддерживая их на кафедре, что было очень важно для роста творческой молодежи, и в Эрмитаже. Тогда в Эрмитаже были созданы экспозиции живописи импрессионистов и постимпрессионистов, положительные отзывы о которых вменялись в вину, например, Н. Н. Пунину, профессору кафедры искусствоведения, при его аресте. В директорство М. И. Артамонова в Эрмитаже организовывались выставки молодых художников вопреки воле обкома КПСС, в частности, выставка, в которой участвовал молодой Михаил Шемякин. Все это стоило М. И. Артамонову должности директора Эрмитажа.

М. И. Артамонов поддерживал Л. Н. Гумилева, несмотря на существенные различия в их исследовательских концепциях. Он являлся последовательным сторонником аналитических методов в исторических исследованиях, выявления внутренних причин становления древних и средневековых государств, тогда

как Л. Н. Гумилев придавал в своих работах 50-х годов, включая книгу «Хунну», большое значение внешней канве событий — военно-политической истории, личным отношениям исторических персонажей, их достоинствам и недостаткам. Расхождения между ними существовали по важнейшей для истории Восточной Европы VIII–X вв. и тюркских народов проблеме истории хазар. Но М. И. Артамонов считал необходимым, чтобы все участники дискуссии, которую вызвала книга «Хунну», могли высказать свои суждения, чтобы они были зафиксированы в протоколах и опубликованы. Такая позиция также была чрезвычайно достойна в условиях широко распространенных келейности принимаемых решений, «подковерной борьбы», тайных интриг с явно принимаемыми постановлениями.

Показательно, что темой обсуждений стала не только книга Л. Н. Гумилева, но также рецензия К. В. Васильева. Вел заседание в Эрмитаже заведующий его Библиотекой и заведующий кафедрой истории средних веков истфака ЛГУ М. А. Гуковский.

Л. Н. Гумилев не согласился почти со всеми критическими замечаниями рецензента. В качестве новых своих наблюдений он особо подчеркивал вопросы этнологии хуннов, их мощной организации как «родовой империи, основанной на подчинении окрестных кочевых племен». Кроме вопросов этногеографической идентификации он отстаивал свое понимание рабства у хуннов. Защищал он право историка использовать чужие переводы, выполненные филологами, «в особенности в тех случаях, когда дело идет не о нюансах, а о простой констатации фактов, подлежащих историческому анализу и синтезу»²⁴.

Выступавший после Л. Н. Гумилева К. В. Васильев не возражал против того, что обобщающие исторические работы можно писать на основе хороших переводов. Но он отметил, что переводы Н. Я. Бичурина, выполненные сто лет назад, не всегда соответствуют требованиям современной науки. Поэтому он настаивал на необходимости китаеведческой подготовки того,

---

²⁴ Здесь и далее см.: В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–207.

кто занимается историей Центральной Азии. В данной связи он привел примеры, относившиеся к социально-политической лингвистике, хронологии, этнографии и географии.

К. В. Васильев не согласился с методом художественных характеристик исторических персонажей вместо конкретного и терминологического анализа. Принципиальными были возражения против концепции родового строя, основанные на факте введения налогов на простых свободных членов общества хуннов уже во второй четверти II в. до н. э. Так что и в публичном обсуждении К. В. Васильев пришел к выводу, что «книга Л. Н. Гумилева, содержащая систематический пересказ общеизвестных переводов, не анализирующая новых материалов, не вводящая в научный оборот новых, оригинальных фактов, не вносит ничего принципиально нового в историографию древней Центральной Азии».

Мнения выступавших разделились на оппонентов и сторонников обсуждаемой книги.

Оппонентами книги с конкретными замечаниями исторического и источниковедческого содержания стали также сотрудники Института народов Азии Л. Н. Меньшиков, Ю. Л. Кроль, С. Г. Кляшторный.

Сторонники книги Л. Н. Гумилева поддержали право историка пользоваться в своей работе чужими переводами, тем более что эта книга соответствовала общественной потребности в создании обобщающих исследований (Б. Я. Ставиский—Эрмитаж, В. В. Струве — Институт народов Азии АН СССР). Соавтор Л. Н. Гумилева по другим работам М. Ф. Хван также поддержал методы и наблюдения обсуждаемой книги. М. И. Артамонов был того же мнения. Основное содержание его выступления здесь необходимо привести, поскольку в нем высказывались мысли, не свойственные его работам. Суть выступления 26 сентября 1961 г. М. И. Артамонова заключалась в следующем: «Основной недостаток книги рецензент (К. В. Васильев) видит в слабости ее источниковедческой базы. Однако надо разобраться в этом. <...> Невозможно требовать от одного человека одинаково высокой исторической и филологической подготовки,

и, естественно, по сравнению со специалистом-филологом историк, даже знающий язык источника, но не занимающийся им специально, останется лишь дилетантом. Спор о праве историка пользоваться имеющимися переводами беспредметен. Конечно, Л.Н. Гумилев вправе был работать с подобными переводами, тем более, что он создавал обобщающий труд, а не частное исследование, устанавливающее отдельный факт или поправку в его истолковании <...>. Ошибочность концепции Л.Н. Гумилева рецензент пытается доказать не путем анализа всего построения, а лишь вылавливанием отдельных ошибок, которые, даже если все они подмечены правильно, не исчерпывают содержания книги и не дают основания для ее неблагоприятной оценки».

Дело в том, что М.И. Артамонов много сделал для анализа археологических материалов как исторического источника. В таком исследовании он был строг и справедлив. Но когда он изучал вопросы, относящиеся к истории, он как археолог-профессионал позволял себе пользоваться переводами иностранных исторических источников. Ранее уже отмечалось, что мнения, основанные на таком их привлечении, очень уязвимы для критики, поскольку они зависят от переводчика, от меры его профессиональной подготовленности, идейной направленности, а также от времени, когда эти переводы были выполнены, от уровня филологической науки того времени и переводческой техники. Так что переводы, тем более давние, в работах историков и археологов становились обоснованиями лишь на эвристическом уровне со значительной долей содержащейся в таких переводах ошибочной информации. Но в распоряжении М.И. Артамонова, в отличие от Л.Н. Гумилева, находился важнейший комплекс археологических источников, к которым он предъявлял высокие источниковедческие требования. После такого их глубокого анализа археологические материалы создавали выверенную основу исторических фактов.

Но то, что было дозволено, хотя и не желательно, археологу, недопустимо для историка. Историк должен анализировать информацию исторических источников на основе собственных

исследований, поскольку эта информация извлекается в результате сложнейшего изучения истории текстов, их редакций, терминологии, явной и скрытой информации, что возможно лишь при исследовании текста на том языке, на котором он написан, на языке оригинала или в новейших современных профессиональных переводах. В таких работах, посвященных древней и средневековой истории, не ясно, где кончается филологический анализ и начинается исторический, и наоборот. Без такой необходимой составляющей профессионального изучения сведения об исторических фактах, вне зависимости от обобщающего или частного характера произведения, претендующего на научность, — не достоверны. Таким образом, поддержка М. И. Артамоновым работы Л. Н. Гумилева вынудила его, замечательного профессионала и в высшей мере порядочного человека, высказывать мысли, его исследованиям несвойственные.

В 1960/1961 учебном году, до опубликованного в 1962 г. своего капитального труда «История хазар», М. И. Артамонов прочитал спецкурс по истории хазар в кабинете директора Эрмитажа двум студентам, Д. А. Мачинскому и автору этих строк, но ни разу он не упомянул Л. Н. Гумилева и его идеи.

В таком же положении оказался М. А. Гуковский. Он был блестяще образованным человеком. Говорил, читал и писал на французском, немецком, английском и итальянском языках. Ко времени обсуждения книги Л. Н. Гумилева он был автором многочисленных исследований, в том числе монографий, прежде всего об эпохе итальянского Возрождения. Он являлся тогда заведующим Библиотекой Государственного Эрмитажа и профессором кафедры средних веков истфака Ленинградского университета.

М. А. Гуковский характеризовал книгу Л. Н. Гумилева как «хорошую». Для того чтобы нейтрализовать замечания о конкретных ошибках, упущениях, недопустимых на профессиональном уровне, он предложил деление ученых на ««мелочеведов», внимательно следящих за «мелочами»», и «синтетиков», создающих концепции. Для оправдания метода Л. Н. Гумилева он сформулировал суть исследовательского процесса, противопо-

положную реальную, — не от изучения и накопления фактов к их обобщению, сделанному на реальных основаниях, а, напротив, от обобщающих мнений к фактам: «<...> в науке впереди идут синтетикой, а за ними следуют “мелочеведы”, исправляющие их частные ошибки».

Видимо, стремление защитить Л.Н. Гумилева от столь ненавистой «критики» и «самокритики», от которых еще совсем недавно страдали достойнейшие представители отечественной науки, было столь велико, что доброжелательный и мудрый М.А. Гуковский незаметно для себя воспроизвел в сформулированной им закономерности научного творчества «логику» сталинских «следственных» действий и «судебных» расправ. Тогда впереди шли «синетики» с идеей совершенного «преступления». За ними следовали «мелочеведы», которые «подбирали» к априорному «преступлению» «обоснование», от чего столь пострадали сам Матвей Александрович, его брат, блестящий литературовед Григорий Александрович Гуковский, который умер в заключении, и многие, многие другие. Впрочем, исправить эти «частные ошибки» было уже невозможно, поскольку жертвы «синтетиков» были уже расстреляны или потеряли значительную часть своей жизни в тюрьмах и лагерях, а родине не принесли то, что они могли для нее сделать.

Предложенное М.А. Гуковским деление на «синтетиков» и «мелочеведов» было тем более удивительно, что для него самого, историка-профессионала, «мелочей» в исследовании не могло быть. Ему, разумеется, было ясно, чего стоила обобщающая концепция, выстроенная на ошибочно установленных фактах, на так называемых «мелочах».

М.А. Гуковский явно говорил одно, а думал другое. Автор этих строк сдавал ему экзамен по истории средних веков в весеннюю сессию 1960 г. Вторым в билете был вопрос «Культура Раннего Возрождения». Основу моего ответа составили необходимый учебный материал, а также собственные, еще юношеские наблюдения над знакомыми с детства коллекциями Эрмитажа и над литературой. В те времена некоторые из профессоров истфака, люди по большей части замечательно эрудированные,

обладали свойством превращать ответ в беседу на темы экзаменационных вопросов. Так что М. А. Гуковский, относившийся к таким профессорам, спросил меня на экзамене, кто из поэтов эпохи Возрождения нравится мне более других. С детства пораженный монументальностью и трагизмом Дантова «Ада», я без колебаний назвал Данте Алигьери. Матвей Александрович вздохнул и не без сочувствия заметил: «Ну конечно, Вы же не можете прочесть Петрарку по-итальянски». Поставленным им «отлично» автор этих строк гордится до сих пор, но после такого замечания постарался с еще большим усердием заниматься древними и современными языками, а стихи в переводах больше не читал. Так знали наши профессора иностранные языки и так они относились к переводам с иностранных языков. Поэтому что думал М. А. Гуковский, когда он назвал написанную по чужим частичным переводам исторических источников книгу «Хунну» «хорошей», а Л. Н. Гумилева отнес к «синтетикам», отличным от «мелочеведов», можно только догадываться.

Содержание мнений по актуальным вопросам исторической науки и практики исторических исследований между тремя неординарными историками и личностями, Л. Н. Гумилевым, М. А. Гуковским и П. Н. Савицким, в 50-е годы XX в. сохраняет свое значение до наших дней.

Источники и литература

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I. Оп. 13 л/с. Д. 212, 213.

Быстрыков В. Ю. В поисках Евразии: Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы эмиграции 1920–1938. Самара, 2007.

В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–207.

Васильев К. [Рецензия] // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120–124.

Гумилев Л. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» // Социум. 1992. № 9. С. 83.

Гумилев Л. Н. Тридцать писем Васе / публикация Г. М. Прохорова // Мѣра. 1994. № 4. С. 143.

Гумилев Л. Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

Дёмин В. Н. Лев Гумилев. М., 2007 (ЖЗЛ).

Ермишина К. В. Петр Николаевич Савицкий: жизненный и творческий путь // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма / сост., вступ. ст. К. В. Ермишиной. М., 2018. С. 15–59.

К столетию со дня рождения М. А. Гуковского // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2003. Вып. 60.

Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2000.

Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма / сост., вступ. ст. К. Б. Ермашиной. М., 2018.

Савицкий П.Н. Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза // За социалистическую сельскохозяйственную науку. 1956. Сер. Б. № 3.

References

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I, оп. 13 л/с, д. 212, 213

Bystryukov V. YU. V poiskah Evrazii: Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya deyatel'nost' P.N. Savickogo v gody emigracii 1920–1938. Samara, 2007.

Dyomin V.N. Lev Gumilev. M., 2007 (ZHSL).

Ermishina K. V. Petr Nikolaevich Savickij: zhiznennyj i tvorcheskij put' // Savickij P.N. Nauchnye zadachi evrazijs'tva: Stat'i i pis'ma / sost., vstup. st. K. B. Ermishinoj. M., 2018. S. 15–59.

Gumilev L. «Skazhuvam posekretu, chtoesli Rossiyabudets pasena, to tol'kocherez evrazijs'tvo» // Socium. 1992. № 9. S. 83.

Gumilev L.N. Tridcat' pisem Vase / Publikaciya G.M. Prohorova // Mѣra. 1994. № 4. S. 143.

Gumilev L.N. Hunnu: Sredinnaya Aziya v drevnie vremena. M., 1960.

K stoletiyu so dnya rozhdeniya M. A. Gukovskogo // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. 2003. Vyp. 60.

Laurov S. Lev Gumilev: Sud'ba i idei. M., 2000.

Savickij P.N. Nauchnye zadachi evrazijs'tva: Stat'i i pis'ma / sost., vstup. st. K. B. Ermishinoj. M., 2018.

Savickij P.N. Sel'skohozyajstvennaya geografiya shestoj pyatiletki Sovetskogo Soyuzha // Za socialisticheskuyu sel'skohozyajstvennuyu nauku. 1956. Ser. B. № 3.

V Gosudarstvennom Ermitazhe i Leningradskom otdelenii Instituta narodovAzii AN SSSR // Vestnik drevnej istorii. 1962. № 3. S. 202–207.

Vasil'ev K. [Recenziya] // Vestnik drevnej istorii. 1961. № 2. S. 120–124.